

*Все персонажи и события романа
вымышлены, любые совпадения случайны.*

ПРОЛОГ

28 декабря 1963 года

Москва

В дверь позвонили. Из кухни раздался голос:

— Веня! Открой! У меня руки в муке!

В прихожей появился худощавый мужчина, прошел до двери и заглянул в глазок:

— Клава! Мы вызывали Деда Мороза и Снегурочку?

— А сколько сейчас времени?!

— Три часа!

— Мы вызывали на шесть!

— Они пришли. Что мне делать?

— Что делать?... — Из кухни выглянула милостивая женщина. — Пусть заходят, Глеб скоро вернется.

— Не понимаю, для чего заказывать пятнадцатилетнему детине Деда Мороза?

— А как же подарок?

— Он что? Конфет, что ли, не видел?

Женщина вышла в прихожую и всплеснула руками:

— До сих пор не впустил? Что за человек... — Она сама отомкнула замок и распахнула дверь. — Проходите!

— С Новым годом! С новым счастьем! — В прихожую ввалился Дед Мороз, за ним — рослая Снегурочка. — Где тут мальчик Глебушка?!

— Рано пришли. Мы ждали вас в шесть. Диспетчер перепутала время. — Закрыв дверь, женщина обернулась и увидела, что муж лежит на полу. Она спросила: — В чем дело, товарищи?

— Заткни ей рот, — мужским голосом проговорила Снегурочка.

Женщина рванулась вперед и побежала:

— *Помогите! Убивают!*

Не добежав до окна, она получила тяжелый удар по голове и рухнула на ковер. Дед Мороз присел рядом и прислушался. Потом потрогал шею возле яремной впадины.

— *Послушай, Сыч, кажись, я ее убил.*

— *Вот придурок! — выругалась Снегурочка. — Теперь и мужика придется валить.*

ГЛАВА 1

Наше время, Москва

Монетка

Дайнека купила платье — пестрое, с короткими рукавами и синим кружевом понизу. Сначала ей понравилось другое, светло-бежевое, с обтянутыми пуговками, но опытная в таких вопросах подруга сказала:

— Нет, не годится. На телевизионном экране все сольется в пятно телесного цвета. Слава богу, волосы у тебя темные. А то вообще — караул.

Азалия Волкова имела право на подобные замечания, она была известной артисткой. Дайнека была подругой известной артистки и собиралась «прицепом» пройти вместе с ней на ток-шоу. Знакомый Азалии, телевизионный редактор, пообещал, что если Дайнеке приспичит выступить, на экране ее подпишут как фотомоделю.

Дайнека из приличия возмутилась: какая из нее фотомоделю? Но когда Азалия сказала редактору: «Подписывай — временно безработная», Дайнека согласилась на модель. Быть безработной в двадцать четыре года ей было стыдно.

После окончания университета она переменяла несколько мест, но нигде не задержалась надолго и стала подумывать, что ошиблась профессией. Случается, что люди ошибаются дверью,

но они могут выйти обратно. А что делать ей? Выбросить из жизни пять лет учебы?

В период обостренных самокопаний Дайнека задавала себе вопрос: что такое специалист по связям с общественностью? И сама себе отвечала: рупор чужих достижений. Результат ее собственной работы как бы растворялся в «эфире». Сказала — послушали и забыли. Написала — прочли и выбросили. Такой расклад ее не устраивал.

— Але, гараж... — Азалия помахала рукой перед носом Дайнеки. — У нас мало времени, нужно купить туфли.

— Эти не подойдут? — Дайнека вытянула перед собой ногу в балетке.

— Смеешься? Тебе нужны шпильки в цвет платья. — Азалия Волкова заглянула в пакет и, сверившись с платьем, сказала: — Можно — красные, но лучше зеленые. Или сиреневые.

Туфли купили бледно-голубые, и не на шпильке, а на прямом каблуке. Время подпирало, поэтому Дайнека переделась в машине.

Азалия привезла ее в большой ангар на территорию бывшего московского завода. Они по очереди побывали в кресле стилиста, потом отправились в комнату ожидания, где уже собралась компания известных людей. Такая концентрация знаменитостей могла привести в трепет кого угодно, тем более Дайнеку, с ее гипертрофированной эмоциональностью. Она встала поодаль и стала слушать.

Рассевшись вокруг стола с угощением, звезды говорили о том и о сем. В частности, о современных сериалах, что было вполне оправданно — ток-шоу приурочили к выходу детективного фильма. Известный журналист, бритый налысо человек в сером костюме, жевал копченую колбасу и говорил с режиссером, которого Дайнека знала в лицо, но фамилии не помнила.

— Почему ваши сериалы такие неинтересные? Я бы сказал — недоделанные. Вы явно недорабатываете. Факт — налицо.

Кто-то подсказал:

— Сценариста хорошего днем с огнем не найти.

— Дело не в этом, — отреагировал режиссер. — На деньги, которые канал дает на производство, можно снять хороший диафильм или плохой сериал. На большее средств не хватает. Что касается талантливых сценаристов — их давно нет. Старики вымерли, а молодых не научили. Осталось только локти кусать.

Азалия подошла к столу, налила себе чаю и поддержала беседу:

— Беда в том, что сценарии пишут «на коленке».

— Что это значит? — спросил едок колбасы.

— За два месяца — двадцать четыре серии. Как вам это понравится?

— Да ну..

— Если бы в России, как за рубежом, экранизировали книги талантливых авторов... — Азалия улыбнулась вошедшему в комнату человеку. — Вот, например, писатель Остап Романов. Почему бы не экранизировать его книгу?

Романов взял со стола печенье и подсел в кресло.

— О чем идет речь?

— Об экранизациях книг.

— Интересная тема.

— За право на экранизацию нужно платить, — заметил режиссер. — Это общеизвестный факт.

— Ну так заплатите, — сказала Азалия.

— На это нет средств. Проще взять сценариста с умеренными запросами. Он и придумает, и напишет.

— Он напи-и-шет, — протянул лысый журналист в сером костюме. — Смотри потом ваше говно.

— Зачем же так грубо... — скривился режиссер и обратился к писателю: — Над чем теперь работаете?

Романов уточнил:

— В смысле?

— Ну, вы же писатель. В каком жанре пишете?

— Психологический триллер.

— Вона куда завернули! — хмыкнул режиссер.

— Пишу о жизни, о смерти, о любви.

— А-а-а-а...

— О чем же еще писать?

— Ну-ну...

— Напрасно иронизируете. — Романов по-хозяйски налил себе чаю. — Моя задача провести героя через кризисные ситуации и предложить эффективную модель их разрешения.

— Вы психолог? — догадался лысый в сером костюме.

— Можно сказать и так.

— Это не ответ. Где вы учились?

— Педагогический колледж. Специальность — психология детей дошкольного возраста.

— Тогда вам нужно писать для детей дошкольного возраста.

— У меня есть серия детских книг.

— Выходит, и швец, и жнец, и на дуде игрец?

— Вот только не нужно утрировать.

— Тогда вернемся к вашей новой книге. О чем она?

— В ней идет речь о непростом выборе человека в сложных жизненных обстоятельствах.

— Да-да... Вы уже говорили.

— Если позволите, я продолжу... — Остап Романов охотно развил тему, но его идеи слишком явно были заимствованы у других, более талантливых писателей.

Дайнеке показалось, что он не тот, за кого себя выдает, и что на самом деле он проще, неинтереснее, незначительнее. Романов был не в меру многозначительным и в меру брутальным. Во всем его облике был диссонанс: не подходящие к продолговатому телу короткие ноги, подвернутые джинсы, широкоплечий пиджак.

«Несоответствия — вот ключевой момент для понимания этого человека», — решила Дайнека.

— Как он тебе? — шепотом спросила Азалия.

— Врет...

— В каком смысле?

— Говорит неинтересно. Темы заимствованные.

— В прошлом году Романов вошел в десятку самых востребованных российских писателей. Его издают за рубежом.

— Это не имеет значения.

— А что имеет? — Стрельнув глазами в Остапа, Азалия прошептала: — Тихо... Он идет сюда.

— Несравненная... Богиня! — Романов поцеловал Азалию руку и широко обернулся к Дайнеке: — Я — Остап. Как зовут вас?

— Людмила.

— Для своих — Дайнека, — уточнила Азалия.

— И все-таки Людмила или Дайнека?

— Людмила, — не слишком дружелюбно повторила Дайнека.

В комнату заглянула помощник режиссера:

— Прошу всех пройти на площадку!

Съемочный павильон изнутри был полностью увешан черными тряпками. На их фоне красно-белыми пятнами «кричали» знакомые декорации. В остальном антураж съемочной площадки оказался до обидного прозаическим — жующие по углам статисты, связки кабелей и сквозняки, кольшущие пыльные полотнища ткани.

Звукооператор сунул Дайнеке за шиворот радиопередатчик и прицепил микрофон:

— Говорить нужно громко и четко.

Она села на диван, поерзала по искусственной коже и, услышав специфический треск, приказала себе не двигаться. По правую руку от нее сидела Азалия, по левую — старенький композитор, сочинивший музыку к давнишнему сериалу о Шерлоке Холмсе.

Ведущий программы, с иголки одетый молодой человек, вымеривал шагами площадку и нервно учил текст. На ярусах расположились усталые статисты. Для многих из них эта программа была сегодня не первой и не последней.

В студии прозвучал невидимый голос:

— Приготовиться! Начинаем!

Молодой человек выдохнул и вышел на исходную точку между диванами:

— Добрый вечер! Мы — в прямом эфире. Сегодняшний выпуск посвящен выходу нового детективного сериала...

Дайнека покосилась на Азалию. Дождавшись демонстрации трейлера, она чуть слышно спросила:

— Нас транслируют?

— Это запись... — неподвижными губами прошептала Азалия.

— Тогда зачем он соврал?

— Заткнись.

По ходу программы в студии один за другим появлялись главные гости, которые отсиживались в другой, отдельной гостиной. Они садились на особый поперечный диван, рассказывали о своем участии в сериале или о своем к нему отношении. Со второстепенных диванов наперебой вступали менее важные гости из их гостиной. Повторяя друг друга, они отчаянно пытались запомниться, как будто прыгали на результат в высоту. Наконец

в эфир прорвался писатель Романов и бодро, с огоньком съехал на любимую тему непростого выбора человека в сложных жизненных обстоятельствах.

Поискав кого-то глазами, ведущий программы остановил свой взгляд на Дайнеке. Она догадалась, что про нее ведущему в наушник сказал редактор, и представила надпись: «Людмила Дайнека, фотомодель».

Ей тут же был задан вопрос:

— Как вы, человек творческой профессии, относитесь к современным экранизациям детективов?

Дайнека дернулась, и новое платье проехало по дивану, издав надтреснутый провокационный звук. После этого осталось только сказать, что к экранизациям она относится положительно.

Всю дорогу домой Азалия Волкова подшучивала над Дайнекой, пока не заметила, что та упорно молчит.

— Обиделась? Я же любя... — сказала Азалия и снова прыснула в кулачок. — Но как же это было смешно! Похоже на пердеж...

— Хватит! — Дайнека покраснела от злости. — Ты сама выбрала это платье. Я не виновата, что оно прилипло к дивану.

— Ну хорошо. — Азалия обняла ее свободной рукой. — Сейчас я тебя порадую. Знаешь, кто просил у меня твой телефон?

— Кто?

— Писатель Остап Романов.

— Зачем?

— Неужели не понимаешь?

— И ты дала?

— Конечно. Такими, как он, не бросаются.

— И он будет звонить?

— По крайней мере, я на это надеюсь. — Азалия резко свернула с дороги и въехала на заправку. — Чуть не проворонила... — Она остановилась у колонки, вышла из машины и отправилась в кассу.

Услышав металлический стук, Дайнека повернула голову и опустила стекло. Согнувшись в три погибели, перед ней стоял худой горбоносый старик.

— Чего вам? — спросила она, не убирая пальца с кнопки стеклоподъемника.

— Монетку старинную купите, пожалуйста.

— Мне не нужна монетка.

— Недорого, девушка...

— Повторяю, она мне не нужна. — Дайнека нажала на кнопку, и стекло поехало вверх.

— Стойте!

Повинуясь приказу, она снова опустила стекло и посмотрела в худое лицо старика.

Он тихо сказал:

— Я Галю свою похоронил...

В воображении Дайнеки нарисовалась картина: у него был дом, семья, нормальная жизнь, но после смерти жены все пропало. Несчастье иссушило его тело, лишило здоровья, завладело плотью и пошло в атаку на совесть.

Дайнека схватилась за сумку:

— Сколько стоит ваша монета?

— Она серебряная, старинная...

— Да-да! Разумеется. — Дайнека не поверила ни одному его слову. Московские жулики не раз пытались всучить ей «старинные» кольца или монеты. И случалось это, как правило, на заправках.

Она протянула деньги.

— Тысячи хватит? — Потом попросила: — Только, пожалуйста, водку не покупайте.

Старик взял деньги, вытер о рубашку монетку и, словно стесняясь, отдал ее Дайнеке.

— Вы не пожалеете об этом. Владейте.

Хлопнула дверца, и в салон «впорхнула» Азалия.

— Что нужно этому бедолаге?

— Ничего, — сказала Дайнека. По опыту она знала — в такие моменты ее мало кто понимал.

Когда машина тронулась, горбоносого старика поблизости уже не было.

ГЛАВА 2

ПОСЛЕ ВСЕГО, ЧТО БЫЛО

Дайнека вошла в квартиру и увидела в прихожей отцовские башмаки. Она сбросила свои туфли и крикнула:

— Папа, ты здесь?

Из комнаты выбежал Тишотка и, радостно взвизгнув, встал на задние лапы. Вячеслав Алексеевич вышел из ванной, вытирая полотенцем лицо:

— Здравствуй, милая. На улице душно. Решил умыться.

— Хорошо, что приехал. — Она подошла ближе и уткнулась носом в отцовское плечо. — Я очень соскучилась.

— Как у тебя дела? — Отец обнял ее, поцеловал в темя и повел в гостиную. Там усадил рядом с собой на диван. — Чем занимаешься?

За ними в комнату прицокал Тишотка и, удовлетворенно вздохнув, рухнул на коврик.

— Да как тебе сказать... — Дайнека потрепала псину по холке. — Валяю дурака. По сути — бездельничаю.

— Ну, что же... Иногда и это полезно.

— А ты? Как себя чувствуешь? Как твое сердце?

— Нормально... — Вячеслав Алексеевич непроизвольно потер грудь ладонью.

— Болит? — Дайнека вскочила с дивана.

Тишотка мгновенно отреагировал и тоже вскочил.

Отец замахал рукой:

— Успокойся, я — в норме. Скажу больше, мы с Еленой Петровной решили отправиться в отпуск. Поедешь с нами?

Дайнека покачала головой:

— У меня Тишотка. Он как ребенок, одного не оставишь.

— А мы и Тишотку с собой возьмем. Сядем в машину, и айда по Европам!

Представив это путешествие, Дайнека прикрыла глаза и впала в состояние дремотного блаженства.

— Едем или нет? — напомнил отец.

Она закивала головой:

— Да! Да! Едем!

— Прививки у зверя есть? — Вячеслав Алексеевич взыскательно посмотрел на Тишотку, тот вскочил и вытянулся в струнку, как будто собрался паковать чемоданы.

— Есть! — ответила за него Дайнека.

— Паспорт собачий имеется?

— Все как положено.

— Нужно взять справку для ветеринарного контроля на таможне, — сказал отец. — Знаешь где?

— В ветлечебнице.

— Вот и хорошо. — Вячеслав Алексеевич хлопнул себя по

коленям и встал с дивана: — Недели через полторы двинем в дорогу.

— Так быстро уходишь? — расстроилась Дайнека.

— Есть одно дело...

— Что-нибудь случилось?

— Не хотел тебя расстраивать, но уж если зашла речь...

— Говори.

Вячеслав Алексеевич склонился к Тишотке и, поглаживая пса по спине, размеренно произнес:

— У Насти дом отбирают.

— Нашу дачу? — вскинулась Дайнека.

— Она давно не наша, а Настина.

— Но почему? При разводе ты оформил на нее все документы¹.

— Я-то оформил. Настя взяла под залог дачи два миллиона рублей в какой-то мутной конторе. Теперь разбираемся.

— Сергей Вешкин знает?

— Начальник службы безопасности, куда без него? Через пятнадцать минут встречаемся.

— Тогда я спокойна.

— Все не так просто... — Вячеслав Алексеевич выпрямился и сунул руки в карманы брюк. — При передаче денег Настя подписала бумаги, по которым земля под домом переходит к кредитору независимо от того, вернет она деньги или нет.

— Какая глупость!

— Вероятно, так она решила обезопасить себя. Не подумала о том, что теперь дом стоит на чужой земле

---

¹ Читайте об этом в романе Анны Князевой «Хозяин шелковой куклы» (Издательство «ЭКСМО»).

— Получается, ее обманули?
— Ты же знаешь — ее обмануть не сложно.
— Умом и сообразительностью Настя не отличалась, — без сарказма подтвердила Дайнека. — Но куда же смотрела Серафима Петровна?!

— Так или иначе придется им помогать.

— После всего, что было?¹ — сдавленно проговорила Дайнека. Отец обнял ее за плечи и назидательно произнес:

— Теперь не время сводить счета. Если землю и дом отберут — им негде будет жить. Я в ответе за Настю.

— Вот и нет! — воскликнула Дайнека.

— Прости, дочь, но это мое дело! — сказал Вячеслав Алексеевич и, словно повинуюсь какому-то импульсу, вышел из комнаты. Дайнека догнала его в коридоре и обхватила руками:

— Прости, папа! Прости! Ты благородный человек! Я это знаю... Но мне обидно, что Настя тобой пользуется.

— В свое время я использовал Настю, — тихо сказал отец.

— Неправда! Она сама на тебе повисла.

Дайнека была права, но только отчасти. Настя с первой встречи подкупила Вячеслава Алексеевича выражением беспомощности на детском лице. Наблюдая за ее ужимками и беспробудной умственной ленью, он снисходительно улыбался, скрывая боль и сожаление, как будто дело касалось близкого родственника, пораженного смертельной болезнью. Чувство ответственности за судьбу Насти не оставляло его, как и чувство вины — за то, что он использовал ее молодость, не имея на то бесспорного права.

---

¹ Читайте об этом в романе Анны Князевой «Жертвы Плещеева озера» (Издательство «ЭКСМО»).

Вячеслав Алексеевич покачал головой:

— Она отдала мне часть своей жизни и в результате осталась одна.

— С нашей дачей...

— Что?

— Она осталась с нашей дачей... — проговорила Дайнека, подняла голову и залюбовалась отцом.

Густые с проседью волосы, четкий профиль, умные пронзительные глаза. Несмотря на возраст и солидную внешность, в нем по-прежнему бурлила молодая энергия. При большом росте и крепком телосложении Вячеслав Алексеевич был легок на подъем. Ему часто говорили, что он напоминает военного в штатском. И это было похоже на правду, с той только разницей, что Вячеслав Алексеевич умел носить деловой костюм и выглядел в нем достаточно импозантно.

Дайнека смахнула пыль с его пиджака:

— Красивый костюм.

— Елена Петровна купила.

— Знаю. По магазинам ты не ходок.

— Вот видишь... Что тебе ни скажи, ты все уже знаешь. — Вячеслав Алексеевич посмотрел на часы: — Через пятнадцать минут встречаюсь с Вешкиным. Когда возвращается Джамиль?

— Не скоро.

— А если точнее?

— Он не сказал.

— Не нравится мне это, — проворчал Вячеслав Алексеевич. — Деньги у тебя есть?

Дайнека расстегнула кошелек и высыпала на столик всю мелочь:

— Вот!

— Это все? — удивился Вячеслав Алексеевич и вытащил из кармана портмоне. — Не я ли на прошлой неделе переводил на твою карточку приличную сумму?

— Пришлось немного потратиться. Платье купила. — Она вздохнула и поддела носком голубую туфлю. — Потом это...

— Собралась куда-нибудь?

— Уже сходила. На следующей неделе увидишь меня по телевизору.

— Да ну?..

— Честно-честно... — Проследив за его взглядом, Дайнека удивленно спросила: — Что случилось?

Вячеслав Алексеевич поворошил кучу монет и вытащил из нее одну:

— Откуда это у тебя?

— А... Ерунда! — Она беспечно махнула рукой. — Приобрела у одного старичка. Подделка.

— Зачем?

— Просто пожалела.

— И где ты его встретила?

— На заправке. Классическая схема — там часто что-нибудь предлагают.

— Всегда покупаешь?

Дайнека помотала головой:

— Нет, никогда.

— Зачем же сейчас купила?

— Я сказала...

— Ах да... Стало жалко. — Вячеслав Алексеевич положил монету на ладонь и включил верхний свет. — Мне кажется, что я такую где-то уже видел.

— Папа, не будь ребенком. Обычная подделка, что же еще.

— Позволишь мне ее взять?

— Бери!

Раскрыв портмоне, он сунул туда монету, достал несколько купюр и положил их на стол:

— Постарайся не тратить на ерунду.

— Зачем так много? — поинтересовалась Дайнека.

— Не могу позволить, чтобы дочь голодала, — отшутился Вячеслав Алексеевич.

Проводив отца, она, не раздеваясь, легла в постель и закрыла глаза. Дайнека вспомнила тот день, когда отец впервые привел Настю в их дом. Ей было семнадцать, и она не планировала заводить себе «мачеху». Тем не менее была готова мириться с ней, лишь бы не увидеть еще раз отцовскую сгорбленную спину, как в день бегства матери¹.

Впервые увидев Настю, Дайнека была шокирована ее сходством с мамой, наивно предположив, что за этим кроется какой-то особый промысел Судьбы. Но хватило одного совместного чаепития, чтобы от иллюзии не осталось и следа. Настя была не слишком умна и обременительна в общении, однако внешне была вполне хороша. Подкачали только ноги, явно не дотягивавшие до светского стандарта. Но, как говорится, есть места поважнее.

Дайнека утешала себя мыслью, что союз с такой женщиной обречен и отца надолго не хватит. Но время шло, и Настя оставалась в их жизни, а с ней и Серафима Петровна. Они обе стали появляться в их квартире. Потом мать с дочерью перебрались на их дачу — сначала на лето, а потом на осень, зиму и весну.

---

¹ Читайте об этом в романе Анны Князевой «Сейф за картиной Коровина» (Издательство «ЭКСМО»).

Появляясь на даче, Дайнека с утра уезжала на велосипеде к реке, а по вечерам старалась не выходить из своей комнаты. Одиночество в такие моменты казалось ей меньшим из зол.

Она никогда не чувствовала себя хозяйкой на даче. Эту роль самонадеянно присвоила себе Серафима Петровна. Улыбаясь и сладенько вздыхая, она ходила за Дайнекой по пятам и со значением выключала оставленный ею свет. На повестке дня была бережливость.

Дом и участок неузнаваемо преобразились, наполнившись уютом и целесообразностью. Во всем чувствовалась новая хозяйская рука. На мебели в гостиной появились чехлы (никому и в голову не приходило, что они неуместны), на окнах — новые занавески. Часть предметов обстановки переместилась на более подходящие места. В спальне Дайнеки произошли не согласованные с нею перемены. При этом кое-что из мебели перекочевало в комнату Серафимы Петровны. А еще в доме прижилось немало занятых вещей.

Демонстрируя произведенные усовершенствования, Серафима Петровна подолгу восхищалась сама собой и назойливо вопрошала:

— Правда же, стало лучше? Ведь правда?

С ней молча все соглашались.

Таким образом, дачный, по замыслу, дом получил статус полноценного загородного жилища. Но главным, что делало его семейным очагом, стало обилие мудреной кухонной утвари. С ее помощью Серафима Петровна творила свои кулинарные чудеса, отчего в доме всегда пахло вкусной едой и рукотворным достатком. Располневшая от прожитых лет и часто употребляемой выпечки, Серафима Петровна и сама напоминала только что вынутый из печки пышный хлеб: румяная, большеглазая, с объемным,

туго стянутым бюстом. Никто, кроме дочери, не догадывался, какое нежное женское сердце бьется в ее груди. И если бы помимо похвал в адрес ее стряпни и хозяйской сметки ей изредка говорили о том, как хороши ее глаза и ямочки на пухлых руках, она бы наверняка успевала переделать вдвое больше дел.

Неизменным атрибутом внешности Серафимы Петровны была чистая накрахмаленная косынка поверх прически. Ни один волос не смел выбиться из-под нее, дабы не оказаться в чьей-то тарелке. Она была по-немецки аккуратна и точна в действиях.

Появившийся в саду огородик год от года становился все больше. И в период летних заготовок соседи надолго лишались покоя из-за колдовских запахов солений и варений, секреты которых Серафима Петровна не открывала даже дочери. Впрочем, Настя не очень-то ими интересовалась.

Нельзя сказать, что вся энергия этой неутомонной труженицы шла на мирные цели. Значительная ее часть отдавалась тому, что отличает обычного человека от идеала. Осознавая свою значимость в доме, Серафима Петровна жаждала всеобщего признания, не забывая напоминать, как трудно все успевать и сколько сил она положила на алтарь всеобщего благополучия. Никто и не возражал ей. Просто Дайнека перестала бывать на даче. А папа перестал бывать в городской квартире. Часто, возвращаясь из очередной командировки, он приезжал к Дайнеке из аэропорта только затем, чтобы переночевать. А утром неизменно отправлялся на дачу.

Тогда Настя выиграла или, как сказала бы ее мудрая мама, вытащила счастливый билетик. Но годы шли, и счастье ускользнуло из ее маленьких цепких ручек. Отец ушел к Елене Петровне Кузнецовой.

Тишотка подошел к кровати и тронул ее лапой. Дайнека открыла глаза:

— Хочешь на улицу?

Как только она произнесла эти слова, Тишотка потрусил на кухню к миске с водой, и оттуда донеслись размеренные хлебки. Выйдя в прихожую, Дайнека пристегнула пса поводком, и они вышли во двор.

Нельзя сказать, что дурная новость про дачу была для Дайнеки сюрпризом. Она давно ждала чего-то подобного. Настя слишком долго не давала о себе знать, и вот наконец свершилось. Дайнека знала, что отец решит эту проблему, даже если ему придется выкупать свою собственную дачу, которую так глупо «проворонила» Настя. Ее беспокоило то, что все встречи с Настей заканчивались для отца сердечными приступами. Осталось только молить Бога, чтобы основная нагрузка легла на Сергея Вешкина. На него всегда можно было положиться, и Дайнека знала это как никто другой. Сергей не раз помогал ей в сложных жизненных обстоятельствах.

Тишотка добросовестно описывал кусты возле забора. Взглянув на него, Дайнека проронила:

— Непростой выбор в сложных жизненных обстоятельствах...

Телефон откликнулся на эти слова звонком с незнакомого номера.

— Слушаю...

— Добрый вечер, Людмила. Простите, что поздно. Я был уверен, что вы не спите.

— Кто вы такой?

— Остап Романов, писатель. Мы познакомились сегодня.

— Что вам нужно?

— Хочу продолжить знакомство.

— Зачем?

— Не загоняйте меня в тупик, иначе я начну сочинять.

— Это ваша работа.

— Какая вы язвительная... — Остап замолчал, но спустя мгновение все же продолжил: — Мне хочется узнать вас поближе. Давайте встретимся завтра?

— У меня есть любимый человек, — предупредила Дайнека.

— А я не предлагаю выйти за меня замуж. Завтра у меня встреча с читателями. Буду рад, если придете.

Допустив, что встреча с читателями — вполне приличная тема, Дайнека представила, что сидит рядом с писателем, а на нее завистливо смотрят его почитательницы.

— Где будет встреча? — на всякий случай поинтересовалась она.

— В Доме книги «Москва». — Остап радостно рассмеялся, потом спросил: — Неужели придете?

Во многом из-за его хорошего смеха она согласилась:

— Приду. В котором часу начало?

— Ровно в семь.

— К семи буду там.

ГЛАВА 3

ПОИСКИ ЛЮЦИФЕРА

Синее море простиралось до самого горизонта. Дайнека сделала пару гребков, перевернулась на спину и посмотрела в другую сторону. Там тоже было море без края, и вокруг — никого. Полуденное солнце так сильно пекло, что заболела голова. Пить хотелось до звона в ушах.

— Мама... мамочка... — по-детски захныкала Дайнека.

Звон усилился, теперь он был не прерывистым, как прежде, а нарастающе-постоянным.

От этого свербящего звона Дайнека и проснулась. Сообразив, что кто-то звонит в дверь, она вскочила с постели и побежала в прихожую. Распахнув дверь, увидела перекошенное отцовское лицо.

— Что случилось?! — Отец переступил через порог и захлопнул за собой дверь. — Почему так долго не открывала?!

— Я спала... — пробормотала Дайнека.

— Что с телефоном?! — Он продолжал допрос, несколько не снижая напора. — Еще минута, и я бы взломал дверь!

— А где твой ключ? — поинтересовалась она.

Вячеслав Алексеевич забрал со столика свою связку и, чуть сбавив тон, пояснил:

— Вчера забыл впопыхах...

— Вот видишь, сам забыл ключи, а я виновата. — Дайнека зевнула. — Но, в общем-то, хорошо, что ты меня разбудил. Еще немного, и я бы пошла ко дну.

— Это иносказание? — догадался отец.

— Это — сон. Мне снилось, что я одна посреди моря, и вокруг — никого.

— Лодка хоть была?

Она покачала головой:

— Нет. Ничего. Только солнце. Так пекло, что до сих пор болит голова.

— Выпей таблетку, фантазерка. — Вячеслав Алексеевич поцеловал ее в голову, и это означало, что она прощена.

— Если хочешь, сварю кофе, — предложила Дайнека и зашаркала по коридору на кухню.

— Разбей на сковородку пару яиц, — сказал Вячеслав Алексеевич, снял с крючка поводок и подозвал Тишотку: — Иди ко мне... — Потом крикнул в сторону кухни: — А я пока выведу молодого человека!

Когда он вернулся, на столе уже стояла тарелка с яичницей, а в его любимой кружке дымился кофе. Вячеслав Алексеевич сел напротив дочери, взял вилку и начал есть. Дайнека нехотя клевала кукурузные хлопья, запивая их молоком.

— Что с дачей? — поинтересовалась она.

— Пока ничего. Поговорили с Вешкиным, наметили направления. Сегодня вечером поеду к Насте на дачу.

— Зачем? — Дайнека насторожилась. — Отправь туда Вешкина.

— Для начала сам хочу разобраться. Дело семейное.

— Тогда и я поеду с тобой.

— Нет.

— Но я — тоже семья! — запротестовала Дайнека.

— Нет! — Отец повысил голос и поднял на нее глаза. — Вообще-то я пришел к тебе по другому поводу.

— Ну?...

— Сегодня утром встретился с одним знающим человеком и показал ему твою монету.

— И что?

Вячеслав Алексеевич покачал головой, опустил глаза, потом отложил вилку:

— Он очень странно себя повел.

— Почему?

— У меня сложилось впечатление, что монета стоит немалых денег.

— Ты шутишь, папа? — Дайнека распахнула глаза, и на ее щеках заалел смуглый румянец. — Ты не придумываешь?

— Из нас двоих фантазерка — ты. Я не склонен преувеличивать, скорее, наоборот, я — реалист. Должен тебе сказать, что я озабочен и немного напуган. Если монета подлинная, тебе нужно будет объяснить, откуда она взялась.

— А что тут придумывать? Скажу, что на заправке купила.

— Звучит нелепо, — усмехнулся Вячеслав Алексеевич.

— Но это же правда.

— Людмила, — отец прикрыл ее руку своей, словно защищая от незримой опасности, — давай договоримся, что ты не предпринимаешь никаких шагов, пока не посоветуешься со мной.

— А что я могу сделать? — Она пожала плечами. — Разве что найти того бедолагу и доплатить за монету.

Сдержав смех, отец вдруг посерьезнел:

— Об этом я и говорю. Никаких поисков, никаких доплат, ни шага в его сторону! Я сам во всем разберусь.

— Как же ты разберешься, если ни разу его не видел, этого старика?

— Мое дело! — прикрикнул Вячеслав Алексеевич и потребовал: — Дай мне честное слово!

— Даю. — Дайнеке не нравилась ни тема, ни тон, в котором шел разговор.

Она с улыбкой спросила:

— Так что там с монеткой?

— Отдал Алехину для проведения экспертизы. После этого можно будет говорить о ее подлинности. — Вячеслав Алексеевич взял чашку с горячим кофе и сделал осторожный глоток.

— Ты уверен, что этот Алехин не умыкнет нашу монетку? — поинтересовалась Дайнека.

— Да как ты только... — Отец поперхнулся и договорил рассерженным голосом: — Алехин — порядочный человек, ученый, работает в Историческом музее.

— Прости. Это я сдуру.

— Необходимо, чтобы ты на время забыла обо всей этой истории.

Дайнека честно призналась:

— Это не просто.

— Мы не знаем, какой шлейф тянется за монетой и что за человек тот старик.

— Обыкновенный голодный бомж. Видел бы ты, какой он худой.

Сделав последний глоток, Вячеслав Алексеевич поставил чашку и встал из-за стола:

— Собирайся. Ты едешь со мной.

Не задавая лишних вопросов, Дайнека быстро оделась. С отцом она была готова ехать куда угодно.

— Здесь? — Вячеслав Алексеевич покрутил головой и, оглядевшись, въехал на территорию заправки.

— Здесь, — подтвердила Дайнека.

Он посмотрел на датчик бензина.

— Очень кстати. Как раз нужно заправиться. — И перед тем, как выйти из машины, сказал: — Опиши подробно, как выглядел старик.

— Лет семьдесят, очень худой, лицо — черное, как у цыгана...

— Форменный Люцифер... — обронил Вячеслав Алексеевич и спросил: — Во что был одет?

— В серые джинсы и светлую клетчатую рубашку.

— Какого роста?

— Высокого.

— Такой же, как я?

— Вас трудно сравнивать, ты — крепкий, а он очень худой.

— Когда ты его заметила?

— Когда он постучал монеткой в стекло.

— Ни с кем другим, кроме тебя, не общался?